

*Reviews * Обзоры и рецензии*

<https://doi.org/10.3176/lu.2000.1.10>

А. Н. Куклин, Топонимия Волго-Камского региона (Историко-этимологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1998.

16 октября 1998 года в Марийском государственном университете на заседании Диссертационного совета Д 644401 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации А. Н. Куклина «Топо-

нимия Волго-Камского региона (Историко-этимологический анализ)». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л. Ш. Арсланов (Елабуга), доктор филологических наук профессор И. В. Тараканов (Ижевск), доктор филологических наук Г. И. Лаврентьев (Йошкар-Ола).

Работа А. Н. Куклина, представленная в виде научного доклада по совокупности трудов, написана на актуальную тему, имеющую существенное научно-теоретическое и практическое значение. Актуальность ее заключается в том, что несмотря на наличие теоретических работ до настоящего времени предметом топонимических исследований не служил такой обширный регион, каким является Волго-Камье, где с древнейших времен происходили миграции и инфильтрации различных племен и народов, оставивших после себя определенные следы в виде топонимов. Топонимические пласты формировались в результате взаимодействия и интеграции разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения, под влиянием как импульсов социального развития самих этносов, так и внешних факторов.

Для раскрытия темы автором составлена картотека топонимической лексики Волго-Камья на базе 87 печатных источников. Дополнительные материалы извлечены из статей и очерков по краеведению, текстов художественной литературы, произведений устного народного творчества, личных наблюдений и других источников.

В ходе историко-лингвистического анализа поставлены и решаются следующие задачи:

1. определяется хронологическая последовательность формирования топонимических пластов на основе изучения этнолингвистической картины Волго-Камья по данным топонимии с использованием лингвистических изоглосс уральских, тюркских, индоевропейских языков, привлечением археологических, антропологических, фольклорных и других материалов;

2. выявляется субстратная тополекса на основе типологического, лингвогео-

графического и структурно-фонетического анализа географических названий;

3. устанавливаются наиболее типичные модели семантических типов финно-угорских топонимов и определяются ареалы их распространения;

4. изучаются взаимодействия контактирующих языков в сфере топонимии.

Результаты исследования отражены в монографии «Топонимия Волго-Камского региона (Историко-этимологический анализ)» (Йошкар-Ола 1998, 204 с.) и других работах — более 50 названий, опубликованных в различных изданиях начиная с 1978 г.

Касаясь хронологических пластов формирования топонимии Волго-Камского региона, автор делит их на несколько групп: к самому древнему срезу топонимического слоя относится уральский пласт, который был создан племенами, говорившими на каком-то угро-самодийском языке. На него впоследствии наслаивается значительный финно-угорский пласт, создателем которого являются предки современных прибалтийско-финских, пермских и волжских народов. В его формировании сыграл определенную роль также древнесаамский этнический компонент. В топонимии Марий Эл обнаруживаются и отдельные вкрапления ираноязычного и балтоязычного характера.

Вопрос об уральском субстрате в топонимии Волго-Камья автор решает с учетом широкого круга данных различных социальных дисциплин: этнографии, археологии, социальной и культурной антропологии, лингвистики, социологии и т. д. Им учитываются климатические и этнические проблемы истории Волго-Камского региона. Проведя историко-этимологический анализ реликтовых географических названий и критически используя имеющуюся литературу по топонимии уральских языков, А. Н. Куклин обнаруживает ряд топоформантов селькупского, ненецкого языков. Селькупскими по происхождению, в частности, являются топоформанты *-га/-ка*, *-енга/ -еньга* — «со значением 'река'», *унджа / унджъ* 'ручей, речка', *эль (шöль)* 'лесная река'. Ненцкими по происхождению считаются

топоформанты *юнко, си, сё* 'речка, протока, приток, река, вытекающая из озера'. В уральском пласте встречаются и некоторые элементы гидролексем эвенкийского и кетского происхождения, ср. *йенэ* 'большая река, исток реки' (с. 16, 28), что, по мнению А. Н. Куклина, является свидетельством тесных контактов отдельных диалектов уральского языка-основы с диалектами тунгусско-маньчжурских языков в глубокой древности (с. 16). Кроме того, на основе сопоставительного картографирования названий речных объектов Волго-Камья и географических объектов Западной и Южной Сибири обнаружено немало гидронимов-двойников типа *Ока, Селенга, Буй, Кинер, Кукиша, Она* и т. д. (с. 22). По мнению автора, указанные гидронимы привнесены в Волго-Камье уральским и сибирским населением. В подтверждение гипотезы о сибирском их происхождении он приводит общие селькупско-марийские языковые параллели (более 20 общекорневых слов (с. 22)). Дополнительной иллюстрацией послужили результаты одонтологического обследования уральской расы (ссылки на работы И. И. Халдеевой, В. В. Бунака, С. Г. Ефимовой — с. 23—24), а также материалы ряда археологов (Г. А. Архипова, М. Г. Ивановой, В. В. Никитина, Б. С. Соловьева, Л. Н. Жеребцова, В. В. Напольских). Следовательно, приведенные историко-этнологические материалы и однотипные номинации типа субстратный географический апеллатив (например, нен. *сё, си* 'приток, река'), встречающиеся в разных регионах Волго-Камья (Удмуртия, Коми Республика, Марий Эл, на Вятке) + комиЗ (*Сива*) + удм. (*Сивашур*) + мар. (*Синерь, Шинер, Шинерка* и др.), убедительно свидетельствуют о том, что формирование географических названий в Волго-Камье происходило в сложных ситуациях, где имели место уральские языковые отложения и последующие топонимические напластования, а также сложные переплетения экстра- и интралингвистических факторов. Апеллативы угро-самодийского происхождения, безусловно, относятся к разряду реликтовых географических названий Волго-Камья. На него наслаивается значительный финно-угорский пласт, создателем ко-

торого являются предки современных прибалтийско-финских и волжских народов.

Отдельный раздел научного доклада посвящен взаимодействию языков и трансформации топонимов. Автор справедливо указывает, что система ономастикона Волго-Камья создавалась из многовековых лексических напластований генетически родственных и неродственных языков, причем и субстратные апеллативы, восходящие к древнейшим пластам, неоднократно видоизменялись, вживаясь в структурно-грамматическую ткань языков-рецепторов современных народов данной территории. Подвергая критическому этимологическому анализу ряд топонимов с топоформантами *-ка, -ки* (*Шоша, Шошка*), *-я* (*Турья, Лопья*), *-ю, -юга* (*Лопью, Лоптюга*), *-а* (*Кюржа, Пемба, Она*), *-га* (*Визинга, Юга*) (с. 35—42), А. Н. Куклин предлагает иные этимологии, исходя из их семантических, структурно-морфологических особенностей и закономерностей фонетической адаптации. На наш взгляд, предложенные новые этимологии автора не вызывают сомнения (с. 43).

Большой интерес представляет также раздел, в котором рассматривается флористическая лексика в названиях селений Волго-Камья. Поскольку финно-угорские народы Поволжья и Приуралья относятся к лесным людям, с древнейших времен занимавшимся рыболовством, бортничеством, собирательством, то для названий основных типов леса они располагали богатой номенклатурой лексем, обозначающих различные породы деревьев, как хвойных, так и лиственных, которые позже легли в основу наименований многих гидронимов и населенных пунктов Волго-Камья. В результате появились следующие модели номинации: название древесного растения → река, речка → селение, например река, протекающая по сосняку, называется *пјнчö* 'сосна, сосновая' + *энгер* (*эгер*) 'река, речка' → *пјнченер* 'сосновая река'.

Названия отдельных селений являются отантропонимными, а антропонимы — фитофорными. В данном случае модель номинации следующая: название древесного растения → фамилия → селение (с.

52). Кстати, подобные модели топонимов представлены и на территории Удмуртии: *яг* 'сосновый бор' → *якшур* 'сосновая река, т.е. река, вытекающая из соснового бора' → *Якшур* — название селения. Подобные модели автор иллюстрирует многочисленными примерами из Республики Марий Эл, приводя статистические данные. К сожалению, таких данных нет по другим республикам и областям, но автор отмечает, по-видимому, по интуиции, что мордовский ономастикон явно уступает марийской системе географических названий, содержащей топонимы, образованные от наименований лиственных и хвойных пород деревьев и кустарников (с. 53).

В заключительной части доклада (с. 54—57) подробно излагаются важнейшие результаты исследования.

1. Становление топонимии Волго-Камья происходило в сложнейших переплетениях исторических событий. Передвижение уральских народов с Востока на Запад происходило, по-видимому, в разные исторические эпохи и несколькими волнами. Об этом свидетельствует наличие в Волго-Камье параллельных апеллятивов и гидронимов типа *Ока*, *Селенга*, *Буй* и др. Данный слой гидронимов и апеллятивов относится к древнейшим субстратным явлениям. Они впоследствии неоднократно видоизменялись, обрастая новыми апеллятивами разного происхождения. Миграционные волны более позднего происхождения шли в обратном направлении — с правобережья Волги, в частности, из районов современной Костромской и сопредельных с нею областей и Марий Эл: *Немда* — левый приток Волги, *Немда* — правый приток Пижмы (Марий Эл).

2. Миграционные волны угро-самодийских племен непосредственно сказались на этногенетических процессах народов Волго-Камья: финно-угорские народы Волго-Камья «по комплексу антропологических признаков более приближаются к группам уральской расы, ежели к монголоидной» (с. 56).

3. Гидронимобразование в разных волжских и пермских языках происходит по единой системе, а именно на модель древнейшей архаической номинации нара-

щивается национальный апеллятив определенной области, обозначающий то же понятие. Данное положение иллюстрируется на одном примере: *си*, восходящее к самодийскому (ненецкому) апеллятиву *сё* 'приток, река; озерная река', ср. коми *Сива* (коми *ва* 'вода, река'), удм. *Сишур*, *Шишур* (удм. *шур* 'река'), мар. *Синер* (*Шинер*) (мар. *нер*, *енер* 'река'), мар. *Сия* (мар. *я* 'река'), морд. *Сиялей* (морд. *лей* 'река') (с. 55).

Наряду с древнейшими уральскими и финно-угорскими названиями в Урало-Поволжье обнаруживаются индоевропейские, тюркские (булгарского и кыпчакского происхождения) и славяно-русские наименования. К сожалению, в научном докладе топонимия индоиранского происхождения не нашла отражения, слабо представлена также топонимия тюркского происхождения (с. 56). Кстати, в научном докладе имеются и другие небольшие недостатки, которые сводятся к следующему.

1. В доказательство общности происхождения селькупских и марийских слов приводятся два слова, отнесенные к уральскому слою лексики, в том числе и сельк. *кепы* 'тело', которое сопоставляется с мар. *кан* 'тело' (с. 22). М. Р. Федотов мар. *кан*, марГ *kān* 'тело, рост', удм. *каб* 'форма, колодка' считает чувашским заимствованием,¹ ср. чув. *кан*, *хан*, *хана* 'фигура, форма, внешний вид, корпус'. Кто же прав — М. Р. Федотов или А. И. Куклин?

2. Отнеся топоформант *си/ши* к нен. *сё* 'приток, вытекающий из озера', А. Н. Куклин вне поля зрения оставляет его вариативные формы — *зи*, *зи*, *чи*, широко представленные на территории Удмуртии. М. Г. Атаманов приводит около 30 гидронимов с указанными апеллятивами: *Сюрзи*, *Парзи*, *Варзи* / *Варзи*, *Лудзи* / *Лудзи*, *Водзи* / *Водзи*, *Кизядзи* и др.² Наш взгляд, приведенный список расширяет ареал распространения данного топоформанта.

¹ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I, Чебоксары 1965, с. 107.

² М. Г. Атаманов, Удмуртская ономастика, Ижевск 1988, с. 74—75.

3. Ссылаясь на работы А. С. Кривошековой-Гантман, автор считает, что топоформант *ва* 'вода' появился лишь после распада общепермского единства, и утверждает, что в Удмуртии гидронимов с *ва* нет (с. 30). Данное утверждение не совсем точно, так как гидроним *ва* представлен в следующих названиях рек Удмуртии: *Ва* — удм. назв. р. Ува, *Вало(а)*, *Валамазка*, *Порва*, *Кыква*, *Кыквинка* и др.

4. Гидронимы с формантами *-га*, *-ельга*, *-ель* автор считает по происхождению

уральскими, приводя такие названия, как *Кожельга*, *Нюнельга* (Западная Сибирь), *Пантель*. Сюда же он относит и приток Вала *Пельга* (с. 33). Нам кажется, что последний гидроним сюда не относится, так как *Пельга* — это воршудное название удмуртов, которое считается явлением общеудмуртским.

В целом научный доклад А. Н. Кукулина представляет собой обширное обобщающее исследование большой теоретической и прикладной ценности.

И. В. ТАРАКАНОВ (Ижевск)